

Максим Горький

Сомов и другие

Максим Горький Сомов и другие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2136415

Аннотация

Пьеса «Сомов и другие» отражает один из важнейших периодов борьбы за социалистическое строительство в СССР, когда был раскрыт ряд заговоров, направленных к подрыву экономической мощи СССР с целью ослабления, а затем и свержения Советской власти и восстановления капитализма.

Содержание

Действующие лица	4
Первый акт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Максим Горький

Сомов и другие

Действующие лица

Сомов – инженер, лет 40, говорит суховато; под его сдержанностью чувствуется сильное нервное напряжение, в сценах с матерью – резок и даже груб, в сцене с женой, обнаруживая своё честолюбие, откровенен не потому, что говорит искренно, а потому, что проверяет себя.

Анна – его мать, – лет 60, женщина бодрая, хороших «манер».

Лидия – лет 27, ленивые движения, певучий голос, жить ей одиноко и скучно; Арсеньева оживляет воспоминания юности её, и потому она тянется к ней.

Яропегов – лет 40–42, – школьный товарищ Сомова, человек, которого Лидия объясняет правильно.

Богомоллов – лет 60, – обижен, обозлён.

Изотов – лет 55, – картёжник, любит поесть, выпить.

Троеруков – неудавшийся авантюрист, человек, способный на всё из мести за свои неудачи.

Титова – лет 45, – толстая, пошлая, неглупая.

Арсеньева – лет 30, – человек, увлечённый своим делом.

Терентьев – лет 35, – рабочий, директор завода, добро-

душен.

Дроздов – лет 30, – красив, суров, недоверчив.

Китаев – лет 30.

Крыжов – за 60 лет.

Семиков – лет 25–23, – вялый парень.

Миша – лет 20.

Дуняша – тоже.

Людмила – 18–20 лет.

Фёкла – за 60 лет.

Лисогонов – тоже.

Силантьев – лет 45.

Первый акт

Новенькая, деревянная дача. Терраса; у стола – Анна Сомова, в капоте, пенсне; читает газету; перед нею – кофейный прибор.

Дуняша. Спекулянт масло принёс.

Анна. Во-первых: надо говорить – частник, а не спекулянт.

Дуняша. Мы так привыкли.

Анна. Спекулянт – обидное слово, обижать людей – дурная привычка. Во-вторых: где Фёкла?

Дуняша. Ушла куриц покупать, что ли...

Анна. Пусть Силантьев подождёт.

Дуняша. Он денег хочет.

Анна. Просит, а не – хочет.

Дуняша. Не хотел бы, так не просил.

Анна. Вы говорите много лишнего. Пусть придёт сюда. – *(Сердито, через газету смотрит вслед Дуняше. Отшвырнув газету, подходит к перилам террасы. На лестнице Силантьев, мужик лет 45.)* Здравствуйте, Силантьев!

Силантьев. Доброго здоровья, Анна Николавна.

Анна. Ну, что у вас, как – дочь?

Силантьев. Плохо.

Анна. Не помогает доктор?

Силантьев. Нет. Да ведь какой она доктор, извините...

Анна. Что ж она говорит?

Силантьев. Да ведь что ей говорить? Она не её, она – меня всё лечит. Не так, видишь ты, думаю я, не её мыслями. Я ей говорю: «Ты – брюхо лечи, а не душу, душу лечить – дело не твоё! Ты, говорю, себе душу-то полечи».

Анна. Очень жаль, что Маша захворала, я так привыкла к ней.

Силантьев. Новая-то у вас бойка больно.

Анна. Да, вот до чего дожили мы, Силантьев!

Силантьев. Не говори! Дышать нечем. Комсомол этот, Мишка: «На Кавказ, говорит, надобно Марью-то». Это – в старину солдат на Кавказ посылали, а она девка.

(Сомов вышел, стоит у стола, разбирая газеты, прислушивается.)

Силантьев. Учит меня: «Ты, говорит, богатый, а для дочери денег жалеешь».

Анна. Они – завистливы на чужое богатство.

Силантьев. Ну да! Понимают, что человек без денег – как птица без крыльев...

Анна. А всё, что у нас отняли, – промотали...

Сомов. Надо бы кофе...

Анна. Ах, ты здесь? Позвони...

Сомов. Не действует звонок. Вы уж сами...

Анна. Идите в кухню, Силантьев, я там расплачусь с вами.

Силантьев. Дрова тут возил я вам. Да за двух зайцев...

[Силантьев уходит.]

Анна. Хорошо, хорошо! (Подходит к двери, звонит.) Звонки действует.

Сомов. Не одобряю я эти твои беседы.

Анна. Ах, вот почему не звонит звонок! Ты что хочешь, чтоб я онемела, когда все кругом возмущены?

Сомов. А ты организуешь возмущение, да?

Анна. Мне кажется – с матерью не следовало бы говорить иронически! И даже не поздоровался.

Сомов. Прости. Но твои «беседы с народом», вроде этого торговца, Лисогонова и...

Анна. Ты считаешь глупыми? Нет, уж ты разреши мне это! Ты живёшь с умниками, а я привыкла жить с глупыми, но честными...

Сомов. Я должен сказать, что мне особенно не нравится этот, хотя и полуумный, но подозрительный учитель пения...

Анна. Он – учитель истории, а пению учит по нужде. Ты ведь знаешь, что теперь в России истории нет...

Сомов. Послушай, мама...

[Входит Яропегов.]

Яропегов. Бонжур¹, мадам! Николай, у тебя в спальне мухи есть?

Сомов. Есть.

Яропегов. Советую: бей мух головной щёткой!

¹ Добрый день (франц.) – Ред.

Сомов. Нелепая у тебя привычка начинать день глупостями!

Яропегов. Это – не глупости, а ценное открытие. Я вчера, ложась спать, перебил щёткой несколько десятков мух. Кстати – об открытиях: Иваненко сообщает, что открыл богатейшие залежи полиметаллической руды. Везёт советской власти!

Анна. А – кто везёт? Это – вы, вы везёте! Страшно подумать, что вы делаете... *(Возмущена почти до слёз, уходит, говоря.)* Только и слышишь: там открыли, тут нашли... Ужас!

Яропегов. Боевое настроение мамыши всё повышается...

Сомов. Здесь это ещё более неуместно, чем в городе.

Яропегов. Ты хотел весной отправить её и Лидию за границу?

Сомов. Неудобно было хлопотать.

(Дуняша вносит кофе.)

Яропегов. Как спали, Дуня?

Дуняша. Лёжа, Виктор Павлович.

Яропегов. А что во сне видели?

Дуняша. Ничего не видала, я сплю закрыв глаза.

Яропегов. Браво!

[Дуняша уходит.]

Сомов. Дерзкая девчонка.

Яропегов. Очень милая курочка!

Сомов. Я смотрю на неё не с точки зрения петуха.

Яропегов. Ты что сердишься? Не выпался?

Сомов. Вчера Терентьев наговорил мне комплиментов, с этим, знаешь, чугунным его простодушием. И кончил так: «Замечательный, говорит, вы работник, товарищ Сомов, люблюсь вами и думаю: скоро ли у нас свои такие будут?»

Яропегов. Ну, и – что ж? Чувствует, что мы не товарищи, а или гуси или свиньи.

Сомов. Ты всё шутишь, Виктор, грубо и неумно шутишь. Смазываешь себя жиром шуточек, должно быть, для того, чтоб оскорбительная пошлость жизни скользила по твоей коже, не задевая души.

Яропегов. Какой язык!

Сомов. И забываешь о том, что нам необходимо полное доверие с их стороны.

Яропегов. Я склонен думать, что пользуюсь таковым.

Сомов. Ты! Доверие необходимо нам всем, а – не единице! Против нас – масса, и не надо закрывать глаза на то, что её классовое чутьё растёт. Ты читаешь им что-то такое, ведёшь беседы по истории техники, что ли... они принимают это как должное...

Яропегов (*смеётся*). Они лезут ко мне в душу, точно в карман, где лежат их деньги. Говоря правду – мне это нравится.

Сомов. То есть тебя это забавляет, но ты ошибаешься, думая, что они относятся к тебе лучше, более доверчиво, чем ко мне, Богомолу.

[Входит Фёкла.]

Фёкла. Николай Васильич...

Сомов. Что вам нужно?

Фёкла. Анна Николаевна спрашивает: придёт к завтраку кто-нибудь?

Сомов. Да. Двое.

Фёкла. А что готовить?

Сомов. Ну... Всё равно!

Яропегов. Что у вас есть?

Фёкла. Курочка есть хорошая.

Яропегов. Опять курочка! Побойтесь бога...

Фёкла. Нет уж, покорно благодарю, боялась, да перестала! Телятина есть.

Яропегов. Фёкла Петровна, – неужто бога-то не боитесь?

Фёкла. Нет, Виктор Павлыч, весёлый человек, не боюсь! Я – старушка неверующая, мне бог столько судьбы-жизни испортил, – вспомнить горестно! Так чего же готовить? Мозги есть.

Яропегов. Мозгов у нас своих избыток.

Фёкла. А – не хватает завтрак заказать.

Сомов. Послушайте, идите к жене...

Фёкла. Почивает ещё.

Сомов. Ну... Вы мешаете нам!

Фёкла. Так я – ушла. А опоздает завтрак, уж не моя вина.

[Уходит.]

Сомов (*раздражён*). Удивляюсь, как ты можешь болтать

с этой дурой!

Яропегов. Это, брат, замечательная старуха! Жизнь её – сплошная драма, но она рассказывает её в юмористическом тоне!

Сомов. Ах, пошли ты её к чёрту!

Яропегов. Нет, ты попробуй, вообрази драму в юмористическом тоне...

Сомов. Послушай, ты нарочно дразнишь меня?

Яропегов. Тебя вот оцарапало простодушие Терентьева, и ты уже – готов! Воспринимаешь жизнь трагически.

Сомов. Брось болтать чепуху, Виктор.

Яропегов. У тебя, брат, кислая дворянская закваска, а у меня: дед – дьякон, отец – унтер-офицер...

Сомов. Ах, не говори пошлостей...

Яропегов. Ну, брат, классовая заквасочка – не подлость, это ты бухнул зря!

(Пауза.)

Сомов. Геологи чересчур много открывают. Рентабельность этих открытий весьма сомнительна. Протасов сравнивает геологов с девицами, которые, торопясь выйти замуж, слишком декольтируются.

Яропегов. То есть хотят угодить властям? Я слышал, что последний доклад его – насквозь антисоветская пропаганда.

Сомов. Чепуха! Просто он – как всегда – грубовато говорил...

Яропегов. Вообще у вас тут атмосферочка ядовитая. Это

– что? Воздействие шахтинского процесса?

Сомов. Ядовитости – не замечаю, а «самокритика» сильно растёт. Ну, разумеется, и шахтинское дело нельзя забыть. Кроме того, разлад в Кремле...

Яропегов. Возбуждает надежды?

Сомов. Говорит о том, что товарищи трезвеют.

Яропегов. Гм? Так ли? По-моему, лучшие из них – неизлечимые алкоголики от идеологии. Идеологии у них – девяносто процентов.

Арсеньева (*входит на лестницу*). Лидия Борисовна дома?

Сомов. Да. У себя. Пожалуйста...

Яропегов. Это – что?

Сомов. Учительница, подруга жены по гимназии.

Яропегов. Какая... гм! Партийка?

Сомов. Не знаю, не знаю! Слушай, Виктор, к завтраку придет Богомолов...

Яропегов. Настраиваюсь благоговейно.

Сомов. Он, вероятно, начнет говорить о фабрике Лисогонова, о её восстановлении, расширении и так далее. Я – решительно против этого. Не вижу смысла реставрировать и обогащать мелкие предприятия туземцев. Ты знаешь мою точку зрения: ориентация на европейца, на мощность... Советская власть должна вернуться к концессиям, иначе...

Яропегов (*закуривая*). И так далее. В общем – гениально.

Сомов. У Богомолова – личные причины, какая-то ста-

рая связь, даже, кажется, родство с Лисогоновым. (*Гудок автомобиля.*) О, чёрт! Кто это?

Яропегов. Терентьев. И этот, новый, его заместитель.

Сомов. Не очень приятная фигура.

Яропегов. Интересный парень, кажется.

[Входят Терентьев и Дроздов.]

Терентьев. Почтение строителям!

(Дроздов молча пожимает руки.)

Сомов. Добрый день, Иван Иванович...

Терентьев. День – хорош, да вот из Москвы – нагоняй нам. Читали?

Сомов. Нет. Где?

Терентьев. А – вот!

Яропегов *(Дроздову)*. Курите?

Дроздов. Спасибо.

Яропегов. Охотник?

Дроздов. Балуюсь. А – как вы догадались?

Яропегов. Видел вас в лесу с ружьём.

Дроздов. Ага! *(Отходит в дальний угол террасы.)*

Сомов. Ну, это пустяки!

Терентьев *(вздыхая)*. Самокритика, конечно...

Сомов. Да, загибают...

(Лидия, Арсеньева – выходят из комнаты.)

Лидия. Может быть, ты позовёшь товарищей к себе?

Сомов. Да. Пожалуйста, Иван Иванович.

Терентьев *(пристально и удивлённо смотрит на Арсе-*

ньеву, зовёт). Борис – идём!

(Трое ушли. **Яропегов** остался, сидит на перилах.)

Лидия (звонит). Да, очень скучно!..В городе все недовольны, живут надув губы, ворчат, сплетничают на партийцев, рассказывают старые московские анекдоты.

Арсеньева. Город затхлый.

Лидия. И ни одной шляпы к лицу нельзя найти.

Арсеньева. А ты сама сделай.

Яропегов. Зато – легко потерять лицо.

Лидия. Вы зачем тут подслушиваете? Знакомьтесь: Виктор Павлович Яропегов, Екатерина Ивановна Арсеньева.

Яропегов. Весьма рад!

Лидия. Я – не умею делать шляп. И вообще ничего не делаю.

Яропегов. Это – лучше всего гарантирует от ошибок.

Лидия. Жалкая ирония. Вот вы, инженеры, делаете и всё ошибаетесь, и вся ваша деятельность – ошибка.

Яропегов. Совершенно так же думает Анна Николаевна. С её политико-эстетической точки зрения в сельском пейзаже церковь гораздо уместнее, чем фабрика.

(*Дуняша – в дверях.*)

Лидия. Кофе, Дуняша, кофе! И хлеба. Вы ужасно медленно спешите на звонки.

Дуняша. Наверху была. [*Уходит.*]

Яропегов. Вы, я слышал, учительница?

Арсеньева. Да.

Яропегов. Совершенно не похожи.

Арсеньева. Это – порицание или комплимент?

Яропегов. Комплименты говорить вам я не решаюсь, да и времени для этого много требуется.

Арсеньева. Мне приятно, что вы дорожите временем.

Лидия. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный ухажёр, как теперь говорят.

(Дуняша приносит кофе.)

Сомов *(кричит)*. Виктор!

Яропегов. Пардон² *[Уходит.]*

Арсеньева. Кто это?

Лидия. Приятель мужа, был женат на сестре его, овдовел. Очень талантливый, забавный, пьяница, немножко – шут, нахал и бабник. Вот, если хочешь замуж...

Арсеньева. Нет, спасибо! После такой характеристики – расхотелось.

Лидия *(смеётся)*. Ты удовлетворена жизнью?

Арсеньева. Нет, конечно. Я даже и не представляю, как можно быть удовлетворённой в наше время.

Лидия *(подумав)*. Это ты сказала что-то серьёзное, я не понимаю!

Арсеньева. Очень просто понять. Людей, для которых жизнь была легка и приятна, – не может удовлетворить то, что она разрушается, а те, кто разрушает, – не удовлетворены, что разрушается она не так быстро, как хотелось бы.

² Извините *(франц.)* – Ред.

Лидия. Вот какая ты стала... философка! И тебе искренне хочется, чтоб старая жизнь скорее разрушилась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Как просто! Да, и – всё! Но ведь ты сказала, что не партийка?

Арсеньева. Я сочувствую работе партии.

Лидия (*вздыхнув*). Ты была такая... независимая! Не понимаю, как можно сочувствовать, когда все против партии.

Арсеньева. Все, кроме лучших рабочих. И ведь вот муж твой и его друг...

Лидия. Ну-у, муж!.. Он скрепя сердце, как говорится...

Арсеньева. Разве?

Лидия. А Яропегов, он, знаешь, едва ли вообще способен чувствовать, сочувствовать. Он такой, знаешь... пустой! Вот он – независим. Сочувствовать – значит, уже немножко любить кого-то, а любовь и независимость не соединяются, нет!

Арсеньева. Ты замени кого-то чём-то.

Лидия. Не понимаю! И – вообще – что случилось? Фабрики всегда строили.

Арсеньева. Строили, да – не те люди и не для того, для чего теперь строят. Вот тебе нравится независимость, но она будет возможна для одного только тогда, когда все будут независимы.

Лидия. Это и называется – утопия? Кстати: ты купалась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Удивительно ты говоришь – да! Вот идёт Миша.

Миша. А, чёрт...

Лидия. Он всегда ругается.

Миша. Вовсе не всегда.

Лидия. Надо сказать: здравствуйте, а он говорит: чёрт!

Миша. Китайские церемонии! А у вас тут гвозди торчат, взяли бы молоток да забили.

Лидия. Не хочу забивать гвозди! Садитесь, кофе дам.

Миша. Не хочу. Товарищ Арсеньева...

Лидия. Знаешь, товарищ Арсеньева, Миша влюблён в меня.

Миша. Я? В вас? Ну, уж это – дудочки! Вы даже и не нравитесь мне.

Лидия. Серьёзно?

Миша. Ну, конечно!

Лидия. Я очень рада, если так.

Миша. Да уж так! А радоваться – нечему. И – неправда, что вы рады. Интеллигенты любят нравиться, всё равно кому...

Лидия. Вы успокоили меня, Миша!

Миша. Успокоил? Эх вы... Чем это я вас успокоил? И вовсе вы ничем не беспокоились. Мешаете только...

Лидия. Я – молчу.

Арсеньева. Вы, Миша, не в духе?

Миша. Да что же, товарищ Арсеньева!.. Бюрократ этот, Дроздов, доски для эстрады запретил брать на стройке, как же мы расширим эстраду? Китаев – разрешил, а он – нельзя!

Тоска! И тоже всё шуточки шутит, как будто интеллигент какой-нибудь.

Арсеньева. Дроздов – здесь, я поговорю с ним.

Лидия. Пейте кофе, Миша!

Миша. Ладно. То есть – спасибо! И потом к занавесу надобно два полотнища пришить, а он говорит – это пустяки! Флаги истрёпанные, и мало флагов... И, говорит, вы должны действовать самообложением, а – каким чёртом мы самообложимся?

Лидия. Ох, Миша...

Миша (*успокоительно*). Ну, ничего! Вы сама тоже, поди-ка, здорово ругаетесь, это и по лицу видно. Без этого – не проживёшь... Мы и так за месяц утильсырья сдали на сорок семь рублей да на укреплении плотины заработали семьдесят три, так ведь на ремонт избы-читальни да по ликбезу...

(*Терентьев, Дроздов, Сомов.*)

Терентьев. Значит – так: вы едете на фабрику, я побегу взглянуть, что делают на стройке.

Арсеньева. Можно вас на пару слов?

Дроздов. Всегда готов! (*Идут, Миша за ними.*)

Сомов. Хотите кофе, Иван Иванович?

Терентьев (*глядя вслед уходящим*). С удовольствием. С удовольствием.

Сомов. До свидания. (*Ушёл.*)

Терентьев. Погода-то, Лидия Петровна, а? Отличная погода!

Лидия. Очень хорошая погода.

Терентьев. Именно! Это... эта женщина – кто такая?

Лидия. Учительница в Селищах, подруга моя.

Терентьев. Та-ак. Что же это я её не видал раньше?

Лидия. Да она здесь только с осени и недавно воротилась из Москвы...

Терентьев. А вы... давно знаете её?

Лидия. В гимназии учились вместе.

Терентьев. В каком городе?

Лидия. В Курске.

Терентьев. Ага! Вот оно что!

Лидия. Что это вас обрадовало?

Терентьев. Тут... случай такой! Черносотенный городок! Я был в нём при белых.

Лидия. Ужасные дни!

Терентьев. Да, на войне страшновато. Особенно – ежели отступать. Наступать – это очень легко.

Арсеньева (*возвращается*). Ну, Лида, мне нужно идти в село.

Терентьев. Погодите-ко, позвольте... то есть – извините! Ведь вы – дочь доктора Охотникова?

Арсеньева. Да. Но я вас не помню...

Терентьев. Ну – где же помнить! Однако это я самый лежал у вас, в квартире, в Курске, раненый...

Арсеньева. Фёдор... забыла как! Узнать вас трудно.

Терентьев. Ещё бы! Почти восемь лет прошло. К тому

же я тогда был Степан Дедов, а настоящее имя моё Иван Терентьев. И растолстел, всё в автомобилях живу. Вот видите – встретились, а? Чёрт знает что! Учителствуете?

Арсеньева. Да.

Терентьев. Так. В партии?

Арсеньева. Нет.

Терентьев (*несколько огорчён*). Почему?

Арсеньева. Сразу не расскажешь.

Терентьев. А я думал, что вы, после того – в партию!
Ваше поведение...

Арсеньева. Ну, какое же поведение!

Терентьев. Однако – риск!

Арсеньева. Тогда не одна я рисковала.

Терентьев. Нашли бы меня у вас – пуля вам или – вешалка... Ну, а отец?

Арсеньева. Его, как врача, мобилизовали белые, а на другой день какой-то пьяный офицер застрелил его...

Лидия. Как ты... спокойно!

Терентьев. Та-ак! Хороший был человек! (*Лидии.*) «Вы, говорит, желаете жить? Ну, так делайте что вам велят!» (*Смеётся.*) Вот история! И – даёт рыбий жир. Противная жидкость, да и команда эдакая: делай, что велят! А я с двенадцати лет делал чего не велят, и мне уже было двадцать семь. В тюрьме сидел, в ссылке был, бежал, работал нелегально, считал себя совсем готовым человеком. И – вдруг: делай что велят, пей рыбий жир! Положим, кроме рыбе-

го жира, питаться нечем было. (*Арсеньевой.*) Его ведь звали Иван Константинович? Что ж, Катерина Ивановна, – по всем правилам нам следует возобновить знакомство?

Арсеньева. Я – не прочь.

Терентьев. Чудесно! (*Лидии.*) Заговорили мы вас? То есть это я заговорил...

Лидия. Нет, что вы! Мне интересно... Хорошо встретились вы...

Терентьев. Хорошо? Да, бывает.

Дроздов (*за террасой*). Катерина Ивановна – ждём! Ваня всегда с дамами.

Терентьев. Это – с больной головы на здоровую.

Дроздов. Ты, Ваня, с Катериной Ивановной осторожно, она – человек враждебный нам.

Терентьев. Не верю!

Арсеньева. Не нам, а – вам, товарищ Дроздов. До свидания, Лида.

Лидия. Ты вечером придёшь?

Арсеньева. Нет.

Лидия. Приходи!

Арсеньева. Не могу, дело есть. (*Идёт с Дроздовым.*) Так вы не забудете?

Дроздов. Всегда готов служить вам.

Арсеньева. Не мне, а ликбезу. Я в услугах ваших не нуждаюсь.

Дроздов. Строго.

(Арсеньева и Дроздов уходят.)

Терентьев *(задумчиво глядя вслед им)*. Ну, пойду и я. До свидания.

(Лидия одна, позванивает чайной ложкой по графину с водой.)

Дуняша *(входит)*. Лисогонов пришёл...

Лидия. Вы знаете, что Николай Васильевич уехал. Пусть он идёт к Анне Николаевне.

Дуняша. Он вас спрашивает.

Лидия. Я не могу принять его.

(Входит Лисогонов.)

Дуняша *(усмехаясь)*. А он уж кругом обошёл, старый чёрт...

Лисогонов. Разрешите, уважаемая...

Лидия *(встаёт)*. Что вам угодно? Я чувствую себя плохо.

Лисогонов. Все, все плохо чувствуют себя! Местность нездоровая, болото близко, – местность эта не для интеллигентных людей... Рабочие, конечно...

Лидия. Вы именно ко мне, да?

Лисогонов. Именно-с! Вот вы на спектакле сожаление выразили, что теперь нельзя достать кружев старинных. Действуя по симпатии, всё можно достать! И вот-с мамыши моей кружева желал бы преподнести...

Лидия. Простите, я должна... распорядиться... *[Уходит]*

Лисогонов *(прячет кружева, ворчит)*. Дура, дура... *(На-*

дулся, покраснел.)

(Анна Сомова, Титова.)

Анна. Здравствуйте, Евтихий Антонович!

Лисогонов. Низжайшее почтение!

Титова. Чего в карман прячешь, Евтихий, человек тихий?

Лисогонов. Платок.

Титова. Двадцать лет человека знаю и – хоть бы что! За-мариновался, как гриб в уксусе.

Лисогонов. В слезах замариновался.

Титова. Чужих слёз ты много пролил, это известно!

Лисогонов. Любишь ты, Марья Ивановна, насмешки...

Титова. А что мне любить осталось?

Анна. Лидия сказала – кружева продаёте?

Лисогонов. Я? Нет. То есть я хотел... но могу и продать.

Анна *(рассматривает кружева)*. Русские...

Лисогонов. Не знаю-с. *(Титовой.)* Нам, обойдённным лю-дям, смеяться друг над другом не следовало бы.

Титова. Разве я со зла смеюсь? Я – от удивления. Гляжу вот на тебя, сома, и – смешно: как это сом допустил, что ер-ши на сухое место загнали его и стал он ни рыба, ни свинья?

Анна. Марья Ивановна грубовато говорит, такая у неё ма-нера, а говорит она всегда умно.

Лисогонов. За это, за ум и прощается ей...

Титова *(рисуюсь)*. И на пролетариев смотрю – удивляюсь! Ах ты, думаю, пролетариат, пролетариат, и куда ты, пролета-

риат, лезешь?

Лисогонов. Н-да... Величайшие умы и силы, от Христа до Столыпина, пробовали жизнь по-новому устроить...

Анна. Надолго испортили жизнь.

Титова. А, бывало, придёшь к частному приставу, дашь ему кусочек денег, скажешь: «Ах, какой вы чудный!» Верит, идиот, и способствует.

Анна. В полиции офицера гвардии служили...

Лисогонов. И все были сыты...

Титова. И везде, на всех видных местах, благожелательные идиоты сидели...

Анна (*обиженно*). Но – почему же идиоты?

Титова. Так уж теперь считают их, а они, конечно, просто благожелательные были. Я хорошо людей знаю, у меня ведь магазин модный был и отделеннице наверху для маленьких удовольствий. Посещали меня всё богачи да кокоточки, генералы да ренегаты...

Анна. Позвольте, – какие ренегаты?

Титова. Ну, эти... как их? Деренегаты.

Анна. Дегенераты?

Титова. Вот, вот! Попросту – выродки...

Анна. Смешная вы.

Титова. Я – добрая, я никого не хаю, все люди кушать хотят и удовольствия немножко.

Лисогонов. И уж не так жадны, брать – брали, да – не всё! А поглядите, до чего теперь жадно стали жить!

Анна. Да, да! Всякую дрянь собирают, какое-то утильсырьё, это в России-то! Какой стыд перед Европой!

Титова. А что им Европа? Они вон мордву грамоте научили...

(Дуняша – выглянула с половой щёткой в руке.)

Анна. Пойдёмте в лес, посидим там.

Титова.

На песочке, над рекой,
Где приволье и покой.

Лисогонов. Земля у нас золотом плюётся, так сказать...

Анна. Как ваши дела?

Лисогонов. Да – что же? Вокруг – строятся, а мой заводик стоит, как был. Случится что-нибудь... переворот жизни, например, – у всех прибыло, всем – пристроено, а я окажусь, как есть, в нищих...

Титова. Врёшь, Евтихий! Деньжонки у тебя есть...

Лисогонов. Какие? Где?

Титова. Золотые. Спрятаны.

Анна. Сколько же вы хотите за кружево?

Лисогонов. Да... как сказать? Кружево редкое.

(Ушли. Дуняша вышла, убирает со стола, напевая. Метёт.)

(Входит Фёкла.)

Фёкла. Ты что это, Дунька, замёрзла? Скоро час, а у тебя

не убрано.

Дуняша. Не хулигань, старуха! Вон тараканы-то, только что выползли отсюда.

Фёкла. Титова-то бо-огатая была! Дом свиданий держала в Москве.

Дуняша. Это что за дом?

Фёкла. Вроде публичного для замужних.

Дуняша. Старик тут о перевороте говорил.

Фёкла. А о чём ему говорить? Они все тут кругом только об этом и говорят. *(Взяла два куска сахара.)* Без стыда, без страха. Вон они уселись, три мухомора.

Дуняша. Ты бы сахар-то не брала.

Фёкла. Ничего, я – не себе, а ребятишкам сторожа. *(Смотрит в деревья.)* Ты на кого сердисься?

Дуняша. Рабочая, крестьянская власть, а господа остались, – вот на кого.

Фёкла. Не сердись, они – старенькие, помрут скоро! Глупые. В старости надобно бы хорошо жить, в старости – ни жарко ни холодно, ничему не завидно.

Дуняша. Замолола!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.